

Альберт Горошко

Кошмар Шерлока Холмса

18+

Альберт Горошко

Кошмар Шерлока Холмса

<https://litres.ru/51934934>

SelfPub; 2025

Аннотация

Мир постепенно сходит с ума. Каждый пытается выжить по-своему. У одних это получается хуже, у других лучше. И неважно, кто ты - знаменитый актер, сыщик, психолог, копирайтер, сборщик или даже робот - новая реальность оказывается сильнее тебя.

Произведение сочетает чёрную комедию, сатиру и сюрреализм, создавая эффект кошмара, где знакомые образы становятся чужими, а логика уступает место хаосу. Это не история о победе разума, а история о его крушении.

Альберт Горошко

Кошмар Шерлока Холмса

Эпизод первый. Маньяк.

Шерлок Холмс откупорил бутылку Бакарди и плеснул несколько капель в бокал. Что-то не задалось с утра, привычный кофе, приготовленный на спиртовой горелке, предательски горчил. Ватсон предупреждал, что его печень не выдержит такого напряжения, а желчный пузырь обязательно лопнет от куриных окорочков, к которым Холмс так прирастился после сидения на заброшенном руднике в Девоншире. Холмс занюхал утреннюю хандру двумя дорожками своего синтезированного из фосфора и чего-то там еще кокса и вскрыл конверт, лежавший на ломберном столике. Мориарти писал:

"Многоуважаемый сэр! В прошлую избирательную кампанию Вы помешали выдвинуть на пост мэра Лондона нашего кандидата Дж. Смолла. Сейчас Вы вставляете палки в колеса полковнику Морану. Имейте в виду, у нас длинные руки и мы достанем Вас там, где Вы даже не подозреваете, и доставим туда, куда не подскажет Вам Ваш прославленный дедуктивный метод!"

“У этого подлеца, – подумал Холмс, – недюжинный литературный талант! Надо отправить почтить Ватсону, пусть

учится”.

Другое письмо, лежавшее на принтере, должно быть послано сегодня в Фэйк-Ньюс, оставалось только тщательно скрыть авторскую стилистику Ватсона. Холмс сам не умел составлять письма, даже анонимные, у Лестрейда, которого он не так давно нанял в секьюрити, получались не послания, а протоколы. Пришлось уговаривать Ватсона вспомнить литературную молодость. Но уж слишком легко угадывалась его графоманская школа! Всем сразу станет ясно, кто копает под Мориарти.

Холмс включил телевизор. БиБиСи клеймили позором русских хакеров, взломавших пусковые шифры Пентагона, СиЭнЭн злорадно разоблачали американского президента в заигрывании с Северной Кореей в поддавки, АрТи... Черт возьми! Они-таки вырубил единственный источник новостей, которому Холмс так доверял после того, как перестали печатать его любимый Таймс. Холмс в досаде включил видео передачи "Пусть говорят", ссылки на которую в Ютубе присылал ему по электронной почте верный Картрайт.

Миссис Хадсон, страстной поклонницы Эндрю Малахова, судя по тишине, не было дома.

Холмс надел дорожную накидку, котелок и спустился на Бейкер-стрит.

Отравленный воздух Лондона приятно щекотал ноздри после ставшего обыденным порошка. “Надо чаще гулять!” – подумал Холмс. Ему уже было далеко за семьдесят, но он

не изменял старой привычке покуривать трубку, правда, теперь это был новомодный гаджет. За ковыляющим по мокрому тротуару сыщиком клубились зловонные паровозные облака. Прохожие шарахались в сторону, зажимая нос. Холмс пользовался своим уникальным рецептом, добавляя в курительную жидкость настойку на клопах. Зато ему был всегда обеспечен свободный проход и доступ в самые многолюдные места. Холмс спешил в Гайд-Парк, где ему сегодня предстояло выступить на митинге оппозиции. Каково было его удивление, когда на пересечении с Оксфорд-стрит два дюжих констебля подхватили его под руки и втолкнули в подъехавший тут же электрокэб. Он не сразу разглядел, кто прятался в его бархатном нутре. Черная окладистая борода выдавала в нем Бэрримора, но за темными очками сверкнули злые глаза Мориарти.

– К чему этот маскарад, профессор? – спросил Холмс, постучав мундштуком по стеклышку очков Мориарти.

– Мы вас предупреждали, Холмс, что не стоит дразнить голодного тигра, – уклончиво ответил злодей и высморкался в бутафорскую бороду. – Мы едем на заседание городского суда, где вам будут представлены обвинения.

– Какого рода? – иронически спросил старый сыщик, привыкший всегда быть на стороне обвинителей.

– Пусть это будет для вас сюрпризом, – не менее иронически парировал профессор.

В зале заседаний судебных присяжных было не протолк-

нуться. Обещанная сенсация собрала здесь представителей всех национальностей, конфессий, сословий, журналистскую братию, известных блогеров, маститых политтехнологов, рэперов, представителей общества защиты сыщиков, кое-где мелькали цветные зонтики нетрадиционных сексуалов и множество профессиональных фотографов, чьи треноги и объективы служили насестом для облепивших их оборванных и тоже сильно постаревших мальчишек с Бейкер-стрит.

Молоток секретаря потребовал тишины. Председатель жюри, на чью голову обрушился молот правосудия, потерял явцевидную лысину и нахмурился.

Холмс попытался найти хотя бы одно сочувственное лицо и не смог – он, кумир всех почитателей его скрипичного таланта, ценителей его виртуозных разоблачений преступных деяний и замыслов, адептов дедуктивного метода и аскетизма во всем, даже в общении с женщинами! Почему все смотрели на него теперь так, как-будто принимали все время за кого-то другого, а теперь узнали его подлинного? Что же придумал этот мерзавец Мориарти? Видимо, то, в чем его здесь обвиняют, действительно страшное преступление. Должно быть, он ошибочно кого-то оклеветал, и этот кто-то оказался праведником. Мориарти коварен и хитер, он дождался моего рокового промаха, подумал Холмс и начал вспоминать свои последние громкие дела.

В прошлом году их было три.

Дело пестрых. Тогда он раскрыл шайку мошенников, под радужным флагом ЛГБТ набравших добровольцев-доноров чести, готовых проголосовать за любого мэра Лондона.

Пестрая лента. Это дело принесло ему массу хлопот. Активистки Фемен похитили флаг с посольства России в Лондоне, и он нашел единственную зацепку в виде пучка цветных лент с головы одной из обнаженных по пояс похитительниц, висевшего на ограде посольства.

Этюд в пестрых тонах. Он разгадал тайну скандального граффити на стене Букингемского дворца, где были изображены члены королевской семьи, причем только по пояс. Автора Холмс обнаружил там же, прибитым дюбелем в виде автографа за причинное место. Его упорно никто не хотел замечать, но дедукция подсказала, что этот русский художник не зря здесь сидел, обдуваемый промозглым английским ветром.

Ни одно из них не могло скомпрометировать кого-либо из добропорядочных англичан. Нет, Мориарти нашел что-то еще.

Первым свидетелем со стороны обвинения был... о боже, Холмс не ожидал, что дедукция сделает с ним такой трюк... его верный биограф и первый почитатель таланта, да-да, доктор Ватсон! В постаревшем товарище сыщик еле отыскал следы былой военной выправки – усы уже не торчали так бодро, и от их медного цвета не осталось ничего. Опираясь на трость, Ватсон уверенно вышел к трибуне и, не дожидая-

ьясь вопроса прокурора, напрямую высказал своему бывшему кумиру, словно всадил в него четыре пули из револьвера:

– Но, черт возьми, Холмс!

Зал затих после очередного стука молоточка секретаря по лысине председателя жюри. Ватсон по-военному четко, без литературных изысков, чего от него неоднократно и безуспешно добивался Холмс, рассказал суду о том, что с самого начала заприметил у своего друга некоторые странности:

– Холмс никогда не интересовался женщинами, кроме как с криминалистической стороны. Единственный раз он почти потерял голову, когда судьба свела его с Ирэн Адлер. Но она, как мы все теперь знаем, оказалась мужчиной. Помните, когда она принесла письмо на Бейкер-стрит? Так вот, это было ее настоящее обличье! Собственно, и я, как медик, уверен в этом, то, что женщина раскусила его, стало отправной точкой – Холмс стал избегать женщин.

По залу заседаний прокатилась волна смеха и улюлюканья. Холмс покраснел от негодования. Как, неужели Ирэн Адлер мужчина? Но позвольте, в чем же они меня обвиняют – в верности своему идеалу?

К трибуне вышел второй свидетель. Полковник Моран был все так же грозен и нетороплив. Привычка сидеть в за-саде наложила свой отпечаток на весь его образ.

– Бестия, хитрая бестия! – вскричал старый охотник, сверкнув уже не такими зоркими глазами из-под кустистых бровей на Холмса.

– Когда я стрелял в его восковую голову, только одно чувство двигало мной. Только месть за то, что он напал тогда на меня в ущелье Райхенбахского водопада. Мне тогда не удалось отбиться, и я поклялся пристрелить его.

Третьим свидетелем был Тадеуш Шолто. Этот испуганный человечек весь трясся и суетился, но, когда ему подали кальян, он затаился и начал говорить:

– Наш отец, майор Шолто, предупреждал нас с Бартоломью, чтобы мы остерегались не человека на деревянной ноге. Джонатан Смолл оказался добропорядочным джентльменом и даже кандидатом в мэры. Шолто сделал ещё одну глубокую затяжку и продолжил:

– Так вот, наш покойный отец, майор Шолто, велел остерегаться человека с деревянной трубкой – им оказался мистер Холмс! Сначала он расправился с моим бедным братом Бартоломью, а потом хотел сделать то же самое со мной, и только арест спас меня от... – Шолто разрыдался и его увели из зала.

Четвертым свидетелем был доктор Мортимер. Он, заикаясь, рассказал, как на Гринпенском болоте подвергся нападению страшного существа. Сначала он подумал о пресловутой собаке, но напавший оставил отпечатки ног, а не лап, и пепел, дважды выбитый из его трубки.

Пятый свидетель, сер Генри, неприятно поморщился, вспоминая свое пребывание в гостинице. Кто-то постоянно выманивал его в коридор, воруя ботинки. Он, как потом-

ственный дворянин, наследник рода Баскервилей, не мог сознаться в том, что и кто дважды проделал с ним ночью в чулане уборщика гостиницы. Позже Холмс хотел разделаться с ним, уговорив идти по ночной тропе из дома Стэплтонов. Кстати, как потом ему рассказала мисс Стэплтон, ее несчастный братец утопился, не вынеся позора, который неоднократно терпел во время проживания этого мерзавца Холмса в заброшенной шахте на болоте. А бедный Бэрримор и брат его жены, каторжник Селден! Они оба опасались за свою честь и жизнь, рискуя обнаружить себя во время передачи еды! Что говорить, если сами полицейские рэйджеры отказывались выходить в караул по ночам!

Против сыщика также дали показания финансовый воротила Милвертон, Рональд Адер, инспектор Грегсон, Стемфорд и даже свирепый доктор Ройлотт, который боялся за своих приемных дочерей, но сам едва не пострадал, и только кочерга помогла ему избежать участи остальных жертв сыщика.

Последними свидетелями были тот самый Картрайт и сутяга Френкленд, выследивший их с помощью своего телескопа. Все помнили слова Холмса, сказанные им Ватсону в пещере на руднике, что Картрайт так хорошо его обслуживает. Холмс понял, что его обложили со всех сторон.

– Что вы хотите сказать в свою защиту? – спросил председатель.

Холмс подумал и решил раскрыть карты. Уж лучше при-

знать в связях с Русской разведкой, чем быть...

На следующий день из английского проката были изъяты все серии о Шерлоке Холмсе, снятые с участием знаменитого актера Спэйсина Кейви. Что заставило правосудие стать орудием в руках негодяев – реальная подоплека или мистическая сила? "Кто знает, – думал он, прогуливаясь по Остоженке, – кто знает?"

Эпизод второй. Новичок.

Шерлок Холмс нервно покусывал изрядно потрепанный кончик иглы одноразового шприца, по счастливой неосторожности забытого кем-то на столе. С недавних пор новые шприцы стали в Великобритании дефицитом, и по всем дворам, скверам, паркам и тротуарам шла настоящая охота за использованными шприцами. Холмс просматривал последние новости на Ютубе. Второй эпизод с "Новичком" был увесистой оплеухой британской полиции. Знаменитый сыщик, зарекомендовавший себя блестящим химиком, был вызван в Скотленд-Ярд в связи с инцидентом в Эймсбери.

– Что это у вас в руках, Холмс? – в обычной своей манере, то есть громко и отрывисто, словно лающая ищейка, спросил Лестрейд.

– Э-э-э, элементарно, зубочистка, – медленно произнес Холмс, отрываясь от своих тревожных мыслей. "Новичок" вот уже четыре месяца не давал ему покоя. Да что там ему

– вся Англия стояла, как сказали бы эти русские, на ушах. Нет, англичане стояли в стойке легавой, готовые наброситься на первого подозреваемого. Политики, пресса, полиция, спецслужбы и химики, конечно химики.

Кислотно-зеленый костюм Холмса покоился бесформенной хламидой у двери кабинета начальника уголовной полиции Лондона.

– Холмс, не могли бы вы вынести свою водонепроницаемую палатку за дверь? – попросил интеллигентный Грегсон. – Я не выношу запаха резины!

Холмс спрятал шприц в карман, поднялся со стула и направился к дверям. Через полминуты он вышел, облаченный в химзащиту, чтобы не быть узанным журналистами, облепившими парадную на площади Уайтхолл. Словно ядовитое зеленое облако, протирался старый сыщик сквозь толпу, ударяясь о штативы, телеобъективы и микрофоны. Пустые рукава костюма нелепо болтались во все стороны, вызывая улыбки прохожих.

Поезд на Солсбери отходил от Ватерлоо каждые полчаса, и Холмс не торопился. В подземку его не пропустили бы из-за габаритов, и он выбрал старый добрый кэб. Знакомый кэбмен, приветствуя великого сыщика, ударил пальцем по котелку и весело погнал по Вестминстерскому мосту. “Старина Караченцофф вычислил-таки меня!” – с улыбкой подумал Холмс и вспомнил “Этюд в багровых тонах”, где впервые был опробован прообраз “Новичка” на бедном Тоби и

двух негодях-мормонах.

Внезапно, на самой середине Темзы, Холмсу стало плохо. Его начало пучить от газов, и химзащитный костюм за несколько секунд раздулся до размеров кэба. Кэбмен, услышав треск обшивки своего антикварного транспортного средства, остановил лошадь и соскочил на мостовую. Ручку двери заклинило, через прозрачную мембрану было видно, как барахтается внутри костюма побагровевший Холмс. Стенки кэба угрожающе росли, как будто кто-то надувал грелку. Кэбмен стал суетливо выпрягать лошадь, схватив одной рукой вожжи и размахивая другой, закричал: “Beware!”* и кинулся вниз на набережную. В следующий миг кэб разорвало, и облако зловонного пара заволокло правый берег Темзы. Клочки обшивки кэба, зеленые лоскутки химзащиты, любимая трубка Холмса, его разбитое пенсне разбросало по асфальту и хмурым волнам Темзы на сотню ярдов вокруг. Сам Холмс в лопнувшем на спине пиджаке, с висящими на коленях лоскутами панталон и алеющими кровоподтеками гетрами медленно сползал на четвереньках по лестнице восточной части моста ближе к воде. Его подслеповатые глаза что-то искали по сторонам, а крючковатые, но еще цепкие пальцы судорожно шарили по тротуару. Холмс потерял заветный шприц.

– Вы арестованы! – услышал от грозный окрик сверху. Закрывая проплывающие облака своей монументальной фигурой, над ним стоял розовощекий констебль с наручника-

ми и “резиновым успокоителем” в массивных, покрытых рыжими волосинками и веснушками кулаках. Используя любимый прием из боритсу – двойной подкат – Холмс сбил рыжеусого великана с ног и кинулся через парапет в Темзу. Он еще довольно-таки хорошо плавал под водой. Переплыв на тот берег и прикинувшись бродягой, он доковылял до Скотленд-Ярда.

– Как! – вскричал Лестрейд, – вы еще не в поезде? Что это с вами, мистер Холмс?

– Ничего сверхъестественного, расстройство желудка! – невозмутимо ответил сыщик.

– Кстати, вы не видели, здесь на столе лежал старый одно-разовый шприц. Куда-то он запропастился! – Лестрейд озабоченно уперся своими крысиными глазками в Холмса.

– Это главное вещественное доказательство в деле “Новичка”! – уточнил важность потери учтивый Грегсон.

Холмс начал усиленно соображать. Новичок, газы, газы... Если шприц был отравлен “Новичком”, и он положил его в карман, не сняв иглу, и та впиваясь ему в бедро... А накануне он принимал собственноручно приготовленный антидот от русской гречки, которую приходилось есть в русских ресторанах, выслеживая агентов кремлевской разведки... Да, черт возьми, странная химическая реакция!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.